

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ

На правах рукописи

Трояновский Сергей Викторович

**НОВГОРОДСКИЙ ДЕТИНЕЦ В X-XV ВВ.
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ**

Специальность 07.00.06. – "Археология"

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва
2001

Работа выполнена на кафедре археологии Исторического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель: академик В. Л. Янин

Официальные оппоненты:

доктор искусствоведения Вл. В. Седов

доктор исторических наук,

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов

Ведущая организация – Институт археологии РАН

Защита диссертации состоится 4 июня 2001 г. в 16 часов на заседании
диссертационного совета Д.501.001.78 по защите диссертаций на соискание
ученой степени кандидата исторических наук при Московском
государственном университете им. М. В. Ломоносова по адресу:
*119899, Москва, Воробьевы горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов
МГУ, Исторический факультет, 5-й этаж, ауд. 550.*

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки
1-го корпуса Гуманитарных факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова.

Автореферат разослан "3" мая 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доцент:

Ю. И. Зверева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Археологическое изучение Новгородского кремля продолжается уже более ста лет. За это время количество исследований (шурфов и раскопов) на территории Кремля превысило 300 единиц, ими вскрыто 3% общей площади памятника. Большинство из этих исследований имели разведочный или охранный характер, велись малыми площадями и в редких случаях доводились до материка. Материалы раскопок опубликованы лишь частично, обобщающие работы по археологии Кремля практически отсутствуют. Это существенно ограничивает использование корпуса археологических источников в изучении истории Кремля и всего Новгорода.

Констатируя отсутствие планомерности в раскопках Кремля, необходимо выделить три достаточно продолжительных и результативных цикла исследований. К ним относятся довоенные раскопки Новгородского музея (А.А.Строков, В.А.Богусевич, Б.К.Мантейфель; 1938-1941 гг.), работы по проекту реставрации Кремля (А.В.Воробьев, М.Х.Алешковский; 1953-1960 гг.) и охранные исследования последних лет (В.Н.Гусаков, Н.К.Стеценко, С.В.Трояновский; 1989-1998 гг.). Документация этих раскопок образует источниковую основу диссертации.

В 1990-х гг. была осуществлена комплексная работа по составлению свода археологических исследований Великого Новгорода (Историко-археологический опорный план, 1996 г.). Частью этой работы являлся Сводный план и каталог археологической изученности Кремля (Л.И.Петрова, С.В.Трояновский; 1995). В диссертации обозначен переход от систематизации материалов раскопок к их историко-археологической интерпретации. Перевод количества источников в новое знание о Новгородском детинце призван полнее раскрыть потенциал археологии в реконструировании исторических процессов, происходивших на его территории в X-XV вв.

Актуальность темы

Детинец средневекового Новгорода, как исторический объект, впервые упоминается в летописном сообщении 1097 года (НПЛ). Даже лаконичных сведений летописи о Детинце достаточно, чтобы оценить роль этой части города, как центра социально-политической жизни Новгорода в XII-XV вв. Крепостной ансамбль Детинца, вмещавший в себе главный городской собор и двор епископа, являлся для новгородцев воплощением идеи города, символизировал континуитет его истории.

Устоявшиеся в отечественной историографии оценки древнерусских детинцев

восходят к сведениям письменных источников, а также опираются на ретроспективное сравнение детинцев с позднейшими городскими крепостными ансамблями (кремлями). Согласно этим представлениям, детинец – “зародышевая клетка” городского организма, крепость-цитадель, зачастую совмещавшая функции крепостного и культового центра города (Ф.Ласковский, П.А.Раппопорт, В.В.Косточкин, Б.А.Рыбаков, А.Н.Кирпичников и др.). Объективность подобных оценок в отношении Новгородского детинца может быть установлена лишь комплексным анализом источников, с активным использованием материалов натурных исследований. В настоящее время этому препятствует не только слабая архитектурно-археологическая изученность Кремля, но и отсутствие современной, учитывающей результаты городских раскопок, теории градостроительного развития Новгорода в эпоху средневековья.

Продвинуться в создании объективной характеристики Детинца помогает обобщение археологической информации, сведение ее в единую координатно-высотную систему. Особое внимание в исследовании уделено планировочной эволюции крепостных сооружений Детинца, как важнейшего фактора развития общегородской топографии.

Объект исследования

В системе археологических терминов Детинец средневекового Новгорода, как объект исследования, является открытым археологическим комплексом. Такое определение вполне соответствует современному состоянию памятника, обладающему территориальной и хронологической целостностью, но лишившемуся стратиграфической “чистоты” в ходе строительно-хозяйственной деятельности XVI-XX вв.

В состав комплекса входят культурные отложения, остатки архитектурных и инженерно-хозяйственных сооружений, вещевой материал, а также все иные следы человеческой деятельности в период до строительства Кремля в последней четверти XV столетия.

Цели и задачи исследования

Целью исследования является введение в научный оборот археологических источников, освещдающих историю Новгородского детинца в X-XV вв., и формулирование современной концепции истории Детинца, раскрывающей информационный потенциал археологии. Теоретическую основу концепции составляют новейшие представления о градообразующих и презентативных функциях фортификационно-культурных объектов в эпоху Средневековья. Содержательная часть концепции представляет собой итог исследования

планировочной структуры Детинца в динамике ее развития. В задачи этого исследования входило: выявление структурообразующих элементов топографии Детинца, определение инженерно-архитектурных параметров оборонительных систем, а также изучение застройки и благоустройства внутренней территории. Атрибуция и датировка археологических материалов не выводится за границы их реальных интерпретационных возможностей.

Хронологические рамки

Нижний хронологический рубеж исследования (X в.) соответствует времени первоначального освоения территории Новгорода (Б.А.Колчин, В.Л.Янин). Этот период важен для понимания генетической связи между топографией Детинца и окружающей городской застройкой.

В определении верхней границы (XV в.) учтены два фактора: археологический, связанный с сохранностью культурного слоя, и исторический. Информационная насыщенность культурных отложений на территории Кремля в целом соответствует общей для Новгорода ситуации. Это означает лучшую сохранность древних стратиграфических горизонтов и резкое изменение состава и мощности культурных слоев с середины XV в. (А.С.Хорошев, Л.И.Петрова). Близость этого рубежа историческим событиям, связанным с ликвидацией Новгородской государственности, позволяют ограничить верхнюю границу исследования последней четвертью XV в.

Научная новизна

Представленный в работе системный анализ археологических источников подводит итоги рекогносцировочного этапа исследований Кремля. Одновременно формулируется концепция истории Детинца, отражающая переход от накопления материала к постановке проблем дальнейших археологических исследований. Новизна этой концепции заключается в полноценном использовании археологических данных, паритете их информационных возможностей с письменными источниками, привлечении материалов инженерно-геологических и других естественнонаучных исследований для решения историко-археологических проблем. Для анализа графической части археологических материалов использованы возможности современных географических информационных технологий.

Практическое значение работы

Совокупное рассмотрение археологических материалов свидетельствует о гораздо более сложной строительно-хозяйственной истории Детинца, чем это представлялось ранее. Расширение информационного поля, произошедшее в

последние десятилетия благодаря археологии, выводит проблематику изучения Кремля на качественно новый уровень. Предлагаемая в работе концепция истории Детинца позволяет конкретизировать программу дальнейших археологических исследований. Содержащаяся в материалах раскопок информация о деревоземляных основаниях (валах) имеет особое значение для проектирования инженерно-реставрационных работ в Кремле.

Апробация

Результаты археологических исследований автора 1993-1998 гг. и основные положения диссертации изложены в 18 статьях, обсуждались на конференциях “Новгород и Новгородская земля. История и археология” (1995-2001), “К 1050-летию п. Любытино” (1996), “Раппопортовские чтения – II” (1999), “Кремли России” (1999), международных симпозиумах “Castella Maris Baltici–III” (Эстония, 1997), “Castella Maris Baltici–IV”; (Дания, 1999).

Структура работы

Диссертация состоит из введения, шести глав и заключения. Дополнением к тексту глав являются сводные планы и каталоги археологических и инженерно-геологических исследований на территории Новгородского кремля, а также альбомы иллюстраций к каждой главе.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение

В начальном разделе дано обоснование хронологических границ исследования, уточнена используемая в работе терминология, в том числе предложены критерии употребления названий “Новгородский детинец” и “Новгородский кремль”. В завершении раздела приведена статистическая характеристика современного состояния археологической изученности Кремля.

Глава 1.

Источники и историография

Исследование построено на основе археологических источников, происходящих с территории Новгородского кремля. Основными видами этих источников являются материалы раскопок (научные отчеты, полевая документация, вещевые археологические и архитектурно-археологические коллекции). Дополнением к этому корпусу являются археологические сведения, полученные при наблюдениях за земляными работами. К диссертации прилагаются план и каталог археологических работ в Кремле, охватывающие сведения о 270

исследованиях (1910-1998 гг.) Большинство из включенных в каталог исследований приведены к единой координатно-высотной системе, для чего был выполнен ряд полевых и камеральных работ. Благодаря этому источниковая база приобрела адекватность задачам исследования.

Вторую группу источников образуют материалы инженерно-геологических исследований, используемых в работе для анализа географических факторов в развитии территории Детинца. Данные инженерно-геологического бурения за период 1950-1998 гг. приведены в соответствие современной геологической стратификации Северо-Запада России. По специальной методике сформирована презентативная выборка из 328 скважин, использованная для построения модели палеорельефа Кремля.

Другие категории источников – письменные, картографические и изобразительные использованы в большей степени при написании 6-й главы, затрагивающие аспекты событийной истории Детинца.

Историография археологического изучения Новгородского детинца по целям и методике исследований разделена на три хронологических периода:

1 этап. Археологические исследования 1860-1941 гг. Первая документированная информация об археологической стратиграфии Кремля относится к 1860 г., когда перед строительством памятника “Тысячелетие России” была выполнена фиксация инженерного шурфа, показавшего наличие в этом месте до 5 метров культурного слоя.

В последней четверти XIX в. шурфовки культурного слоя предпринимались Н.Г.Богословским и В.С.Передольским. Раскопки Н.К.Периха в 1910 г. также проводились с разведочными целями, но результаты их не были оформлены в виде отчета и известны лишь по отрывочным сведениям из публикаций. Проведенная локализация двух траншей Периха дает возможность использовать эти сведения в анализе археологических древностей южной части Кремля.

Крупнейшими исследованиями на территории Кремля до сих пор остаются раскопки Новгородского музея 1938-1941 гг. Площадь этих работ превышала 1500 кв. м., но отчетная документация и публикации дают лишь бессистемные, избирательные характеристики стратиграфии и раскопанных сооружений. Лучше других опубликованы материалы раскопа 1939 г., сопровожденные тремя графическими планами. Представленная в диссертации ситуационная привязка раскопов 1938-1939 гг. выполнена по топографическим планам 1950 и 1952 гг. Это проясняет ориентацию и взаиморасположение раскопанных уличных настилов и других сооружений.

Наибольший размах предвоенные раскопки достигли в 1940 году, когда на площади в 1100 кв. м были вскрыты остатки ц. Бориса и Глеба в Окологотке. Информация об этих исследованиях, содержащаяся в единственной обзорной публикации дает слишком мало сведений для архитектурных и историко-топографических реконструкций. Определенную характеристику статуса церкви дают описания погребений (всего раскопано около 300 захоронений), из раскрытоого вокруг церкви некрополя.

Раскоп музея 1941 года, занимающий особое место в историографии Детинца, находился к востоку от Никитского корпуса, у кремлевской стены. Начатые в нем работы вскрыли мощную глиняную насыпь, но были остановлены войной.

2 этап. Археологические работы в ходе реставрации Кремля (1945-1960-е гг.)

Обследование архитектурных памятников кремля в процессе их послевоенного восстановления сопровождалось специальными археологическими исследованиями. Цели и методика раскопок в этот период определялись потребностями реставрации: выявление строительной истории зданий, обследование их фундаментов и прилегающих грунтов, проведение планировочных работ и т. п. В 1940-е гг. были исследованы шурфами фундаменты Софийского собора (А.Л.Монгайт), Спасской башни (А.А.Мельвиль), здание Судного и Духовного приказов и Софийская Звонница (Б.К.Мантейфель).

С 1952 г. проектирование реставрационных работ в кремле переходит к Центральным проектно-реставрационным мастерским (ЦПРМ, Москва). В 1952-1953 гг. А.В.Воробьев провел тотальное обследование нижних частей стен и башен Кремля, а также архитектурных памятников на его территории (55 шурфов). В ходе этих работ были впервые зафиксированы мощные деревоземляные валы под оборонительной стеной Кремля.

С 1956 по 1960 г. археологическими исследованиями по проекту реставрации руководил М.Х.Алешковский. Им были исследованы фундаменты и строительная история Софийского собора, выявлены остатки комплекса Воеводского двора (XVII в.), раскрыты руины надвратных церквей, Борисоглебской башни и т. н. “архиепископского дворца”. Важнейшей частью раскопок Алешковского стали прорезки валов в южной и северной частях Кремля. Установленные различия в конструкциях насыпей были положены в основу первой археологической гипотезы формирования территории и оборонительной системы Детинца (Алешковский, 1962). Публикации этого периода наполнены острой полемикой (М.Х.Алешковский, С.Н.Орлов) по проблемам локализации древнейшего Детинца и датировки валов в северной и южной частях Кремля.

В период 1960-1970-х гг. археологические работы производились в виде шурфов и траншей с инженерными или реставрационными задачами, часто без надлежащей фиксации.

3 этап. Охранные и научные раскопки 1979-1998 гг. Третий этап был начат раскопами А. Н. Кирпичникова (1979, 1981 гг.), изучавшего причины деформации стен Кремля между Дворцовой и Княжой башнями (5 шурfov), а также вскрывшего плитняковую стену вдоль береговой линии стен (11 шурfov). Раскопки 1980-81 и 1985 г. у Лихудова корпуса (В.А.Понсов, М.А.Воронова) дали дополнительный материал для характеристики деревоземляной насыпи в северной части Кремля. Тогда же была получена дендродата постройки из предматерикового горизонта культурного слоя (962 г.) Исследования 1989-1990 гг. по трассам подземных коммуникаций существенно увеличили объем информации о стратиграфии культурного слоя Кремля, а также вскрыли руинированные каменные постройки и уличные настилы (В.Н.Гусаков).

В 1992 г. после обрушения стены между Спасской и Княжой башнями на этом участке был выполнен археологический разрез вала, обозначивший проблему конструктивного соотношения системы “ров-вал-стена” (Н.К.Стеценко, 1992-1993). В последующий период были значительно дополнены сведения о конструктивных и инженерных особенностях вальниых оснований под стенами Кремля (С.В.Трояновский, 1994-1998 гг.). В середине 1990-х гг. был создан Опорный историко-археологический план Новгородского кремля, опубликован первый свод его археологической изученности (Л.И.Петрова, С.В.Трояновский, 1995).

Глава II.

О методике археологического изучения крепостных комплексов

Содержание главы освещает методические особенности полевых и камеральных работ 1992-1998 гг. Результаты этих исследований привели к пересмотру некоторых традиционных приемов археологического изучения архитектурных памятников со сложной строительной историей. Принципы новой методики диктуются спецификой крепостного комплекса, занимающего центральное место в топографии города.

Ситуационное положение Кремля определяет и основополагающий методологический подход, декларирующий взаимозависимость планировки крепости и ее городского окружения. Выдвинутые в 1960-1970-х гг. гипотезы истории Детинца тогда лишь наметили перспективы такого подхода, но не

связывали этапы расширения его границ с ростом территории города (М.Х.Алешковский, Б.А.Колчин, В.Л.Янин). Сравнение археологических материалов с территории Кремля и близлежащих раскопов (Неревского, Троицкого, Кузьмодемьянского, Добрынина) показывает, что развитие топографии Новгорода обладало различимой стадиальностью, затрагивавшей всей элементы этой топографии. Предположения о наличии таких стадий выдвигались ранее применительно к развитию внешней линии городских укреплений в XII-XIV вв. (А.С.Хорошев). Анализ строительно-планировочных горизонтов культурного слоя Кремля позволяет утверждать, что топографическая эволюция Софийской стороны города зафиксирована этапами развития ее центральной части – Детинца. Из этого вытекает обязательность точной координатной привязки раскапываемых сооружений, необходимой для реконструирования этапов планировочного развития крепости по совмещенным планам раскопов.

Качество археологического материала с территории Кремля существенно отличается от раскопок в других частях Новгорода. В первую очередь это касается состава культурных отложений северной части Кремля, где только нижние горизонты, т. е. X – XI вв., по своей структуре соответствуют классическому описанию Новгородского культурного слоя как насыщенного влагой и органикой. Многократные перестройки укреплений и крупные планировочные работы донесли до нас исключительно сложную, спрессованную в физическом и хронологическом смысле, стратиграфическую картину. В раскопе 1996 г. на территории Владычного двора при шестиметровой мощности культурных отложений лишь 1,5-2 м представляли собой жилые слои. Остальная стратиграфия этой территории состоит из строительных и планировочных слоев. В ее изучении неприемлема традиционная для новгородской археологии система координат – квадрат-пласт. Только послойное снятие культурного слоя позволяет лучше разобраться в особенностях процесса его накопления.

Методика изучения крепостных, и в особенности деревоземляных конструкций, претерпевает в последнее время качественные изменения. Изменяются представления о характере и масштабе работ при возведении крепостных комплексов. Раскопки показывают, что в Новгородском кремле и вокруг него (Малый Земляной город XVI в.) широко применялись различные способы адаптации оборонительных сооружений к условиям рельефа, в основном посредством перемещения массивов грунта (в т. ч. культурного слоя). Это обстоятельство ставит под сомнение распространенный подход к изучению

крепостных культурных отложений, при котором стратиграфическая шкала небольших, вырванных из общего контекста, участков территории около стен, экстраполируется на весь памятник.

Стратиграфическая интерпретация земляных сооружений и выявление технологических приемов их строительства является надежным методом преодоления ошибок, допущенных на начальном этапе археологических исследований древнерусских укреплений (1950-е–1960-е гг.). Тщательное изучение валовых конструкций все чаще приводит к пересмотру строительной истории древних укреплений, как это уже случилось с “валами” Старой Рязани (В.П.Даркевич, Г.В.Борисевич), или Змиевыми валами в Среднем Поднепровье (М.П.Кучера). Возникшие в историографии Новгородского кремля после раскопок 1950-х гг. “валы” 1044 и 1116 гг. являются еще одним примером преждевременной атрибуции слабоизученных деревоземляных сооружений.

Изучая планировочную систему крепости необходимо учитывать, что ее характер может быть реконструирован не только по структурообразующим элементам топографии, к которым относятся оборонительные рубежи, улицы и дворовые участки, но также и по второстепенным элементам, таким как расположение жилых и хозяйственных построек на территории дворов, направление дренажных траншей, ориентация и границы стратиграфических слоев и т. п.

Пространственная структура археологического памятника объективно придает археологическому исследованию географическую составляющую. Поверхностная оценка роли естественно-природных факторов долгое время была присуща средневековой археологии, не ставившей целью реконструирование среды обитания в эпоху, близкую современности. Усилиями целого ряда исследователей (В.С.Жекулин, П.М.Долуханов, Е.Н.Носов) утвердилось понимание необходимости изучения археологических памятников и территорий в их геоклиматическом окружении. Следствием этого стало широкое распространение специальных палеоландшафтных исследований. Практический опыт исследований в Кремле также показал, что при изучении оборонительных комплексов важнейшее значение приобретает информация геоморфологического и гидрогеологического характера. Особенностью работы над геологической картой археологического объекта является необходимость отвлеченного рассмотрения культурных отложений как верхней части стратиграфического комплекса геологических отложений. Этот непривычный для археологов паритет культурных и естественных отложений объективно отражает длительность существования археологического

памятника, находящегося в изменчивой связи с природной средой (О.О.Гойжевский, М.А.Сагайдак).

Обзор локальных географических условий существования древних крепостных комплексов, т. е. геологии, геоморфологии, гидрографии их территории, требует достаточно глубокого погружения в область географических наук. Междисциплинарный характер таких исследований обуславливает необходимость выработки особой методики, учитывающей специфику источников.

Материалы раскопок демонстрируют широкое разнообразие архитектурных конструкций и инженерных приемов, применявшимся при строительстве крепостных сооружений в разные периоды. Раскопки последних лет позволили снять искусственное ограничение круга проблем Кремля вопросами архитектурной типологии и абсолютной датировки. Критическому переосмыслению подвергся прежний подход к археологическому материалу, традиционно используемому для датировки архитектурных сооружений.

Отсутствие четко сформулированных принципов исследования крепостных архитектурных комплексов не только приводит к значительным потерям археологической информации, но и наносит ущерб состоянию памятника. Совершенствование методики раскопок в условиях разновременного и многослойного архитектурного контекста является одной из актуальнейших проблем средневековой археологии.

Глава III.

Территория Новгородского детинца на начальной стадии освоения

Характеристика начальной стадии заселения исторической территории невозможна без анализа локальных природных условий, определявших топографию заселения и хозяйственные особенности этого процесса. Для Новгородского кремля описание исходной ландшафтной ситуации приобретает особое значение, поскольку оно позволяет понять причины появления здесь фортификационно-культового центра города – Детинца.

Первые попытки создания карты погребенного рельефа Новгородского Кремля были предприняты еще в 1950-х гг., при решении задач инженерной защиты архитектурных памятников кремля (ЦПРМ, Р.С.Слоним). По сути, эти карты были первой попыткой построения палеорельефа Кремля с указанием разницы в мощности насыпных (антропогенных) слоев. С конца 1950-х гг. в публикациях по истории и археологии кремля появляются сюжеты, посвященные его подземной топографии и особенностям строения древнего рельефа (А.В.Воробьев,

С.Н.Орлов).

Недостатки этих первых исследований по геологии Кремля очевидны: разреженная сеть данных, отсутствие системы в стратификации культурных отложений, ограничение исследуемой территории границами кремлевского рва и др.

Рост данных по геологии и гидрологии Кремля приобрел взрывной характер в начале 1990-х гг., когда началось выполнение Программы-концепции инженерной защиты кремлевских сооружений. Итоги этих исследований были опубликованы (Е.М.Пашкин, О.В.Домарев, А.А.Никифоров, Е.С.Дзекцер), Построенная тогда же реконструкция палеорельефа кремля (С.М.Казеннов) повторяла ряд прежних методических погрешностей.

Представленная в диссертации модель реконструированного палеорельфа создана с использованием компьютерных технологий. В подготовке данных и разработке метода геостатистического анализа принимали участие М.И.Петров и Н.Д.Фирсова.

Проведение палеогеологических исследований по своему содержанию практически не отличается от обычной инженерно-геологической рекогносировки, представляющей собой комплекс работ, выполняемых с целью изучения природных условий строительства. В соответствии с этой апробированной методикой и построена карта палеорельефа Новгородского кремля.

Для построения модели палеорельефа был обозначен квадрат городской территории размером 1000x1000 м, в центре которого помещен Кремль. В качестве исходных данных модели были использованы материалы геологического бурения на территории Кремля и в его ближайшем окружении. Методом строгого отбора из общего количества скважин (487) были исключены скважины с дефектной геологической стратиграфией, а также находящиеся в зонах антропогенного изменения первоначальных форм рельефа (искусственные углубления, рвы и т.п.). В результате была сформирована презентативная выборка из 328 скважин.

Высокая информативность материалов геологического бурения (привязка к Балтийской системе высот, четкая геологическая стратификация и высокая степень формализованности данных) значительно облегчили процесс разработки и создания модели. Для моделирования поверхности использовались верхние отметки геологических отложений (археологический материк).

При построении модели палеорельефа Новгородского кремля использовалась компьютерная программа SURFER. В ней заложены несколько алгоритмов,

позволяющих строить модели поверхностей, что и определило использование этого программного продукта при возможности выбора (например, Arc View 3.1).

Полученная модель палеорельефа территории кремля построена с учетом основных принципов геоморфологического анализа рельефа, т. е. она включена в контекст макро- и мезоформ рельефа с характеристикой геологического возраста и структуры всех типов осадочных отложений.

Общий характер рельефа Новгородской округи сформировался еще в доледниковый период: котловина оз. Ильмень, долина р. Мсты, водораздел истока р. Волхов и дельты р. Мста. Под влиянием ледниковых и постледниковых процессов (ок. 8000 лет назад) образовалась долина р. Волхов и ее гидросеть, обусловившая особенности микрорельефа региона. Дальнейшее изменение геоморфологии района происходило под влиянием эрозионных процессов, климатических изменений и колебаний уровня Балтийского моря. Основу четвертичных осадочных пород на рассматриваемой территории составляют флювиогляциальные отложения ледникового периода, представленные гравийно-галечными грунтами, залегающими в среднем на отметке 17,5 м (система высот Балтийская). Их перекрывают озерно-ледниковые глины и пески, мощностью от 1 до 8 метров и песчано-илистые аллювиальные отложения голоценового горизонта, т.е. исторического времени.

Наиболее крупными элементами четвертичного рельефа Кремля являются холм под Софийским собором и овраг в его центральной части. Следовательно, южная и северная части территории Кремля с древнейшего времени имели естественную границу в виде оврага. “Большой Кремлевский овраг” (здесь и далее в обозначении элементов рельефа использована терминология С.Н.Казеннова), скорее всего, являлся руслом временного водотока, впадавшего в р. Волхов. На это указывает наличие аллювиальных отложений (пески, илы) зафиксированных геологическим бурением на дне оврага. Вершина оврага находилась за пределами территории Кремля, к северо-западу от него (Л.И.Петрова, С.В.Трояновский, Н.Д.Фирсова).

Территорию к югу от “Большого Кремлевского оврага” можно охарактеризовать как равнинный участок со средними абсолютными отметками высот 24,0-25,0 м на котором существовали две возвышенности – “Покровская” и “Борисоглебская” с абсолютными отметками от 25,0 м и выше. Материковые породы этого участка представлены преимущественно озерно-ледниковыми глинами и суглинками. Между этими возвышенностями наблюдается пониженный участок (от 24,0 м и ниже), направленный к “Большому Кремлевскому оврагу” и

представляющий собой раннюю стадию развития небольшого оврага (тальвега). Со стороны реки описываемая часть территории кремля имела береговой склон значительной крутизны, начинавшийся примерно по линии кремлевской стены. К югу от границ Кремля рельеф сохраняет равнинный характер с плавным понижением в сторону Волхова.

Доминирующей формой рельефа на участке к северу от “Большого Кремлевского оврага” была возвышенность с максимальной отметкой 28,0 м (т. н. “Софийский” холм), на поверхности которого выступают песчаные грунты озерно-ледникового генезиса. На нашей модели верхушка холма представляет собой площадку округлой формы с диаметром ок. 50 м, большая часть которой в настоящее время занята собором Св. Софии. Подошву холма очерчивает горизонталь с отм. 25,0 м. С северной стороны холма наблюдаются два пониженных участка и плавный переход к равнинному рельефу со средними отметками 24,0-25,0 м. Такая же ситуация прослеживается и к западу.

Восточная сторона “Софийского” холма имеет более крутой спуск к Волхову, чем участок к югу от “Большого Кремлевского оврага”. Это объясняется динамикой развития русла реки, имеющего на участке кремля поворот с тенденцией к подмыванию берега, что иллюстрируют летописные сообщения (1437 г.). По письменным источникам известно, что борьба с паводками продолжалась и в XVII в. В 1675 г. берег от Тайничных водяных ворот до Владимирской башни был укреплен “тарасами” и сваями.

При оценке перспектив освоения описанного ландшафтного участка сделаны следующие выводы. Южная часть Кремля по набору признаков выглядит более удобной для жилого и хозяйственного освоения. Рельеф южной части по своему характеру не имеет существенных отличий от общего характера местности к югу от Кремля (будущий Людин конец). Материалы раскопок 1938-39 гг. на участке у Спасской и Дворцовой башен, в которых были вскрыты древнейшие слои с сельскохозяйственными и промысловыми отходами, как будто бы подтверждают бытовой характер ранних этапов человеческой деятельности на этом участке. При изучении древнего рельефа становится очевидным и выбор мест для церковного строительства. Церкви Бориса и Глеба (1146 г.) и Покрова Богородицы (1305 г.) построены на возвышенных участках, а местоположение надвратной Спасской церкви (1297 г.) было определено задолго до ее появления трассой древней дороги (Пробойной улицы).

Принципиально иным выглядит рельеф северной части Кремля, где расположен высокий “Софийский холм”, расположенный на мысу между Волховом

и “Большим Кремлевским оврагом”. Условия пересеченной местности (отлогие склоны холма и наличие оврагов) создавали сложности для хозяйственного освоения, которое изначально, по-видимому, развивалось в прибрежной зоне и в северо-западном секторе Кремля. Эти же факторы определяли высокую степень защищенности территории. Отметим, что линия горизонтали с отм. 26,0 м на участке к югу от Митрополичьей башни, расходящаяся с направлением кремлевской стены, находит соответствие в направлении деревянной стены, вскрытой на этом участке раскопками 1985 г. и 1996 г. (М.А.Воронова. С.В.Трояновский).

Доминирующая над округой возвышенность была исключительно удобной и для строительства культовых объектов. Возведение в 1045-1050 гг. Софийского собора на вершине холма окончательно определило характер дальнейшего освоения этой территории, исключенной из обычной городской застройки.

Из представленной модели видно, что ров Кремля в его современном виде является искусственным сооружением, значительно исказившим существовавшие формы рельефа и гидрорежим территории. Сооружение рва, прорезавшего толщу озерно-ледниковых глин, лишило кремлевский овраг источника водного питания и означало первый этап в его постепенном исчезновении.

Существенное различие южной и северной частей кремля в отношении пригодности для строительства фортификаций приводит к следующему выводам.

Строительство укреплений в северной части кремля в большей степени соответствовало локальным особенностям рельефа, обеспечивающим лучшую защищенность именно этой территории. Возведение земляных укреплений в южной части кремля не связано с условиями рельефа.

Из археологических материалов о начальном этапе жизни на территории Кремля наиболее информативными оказываются довоенные раскопки Новгородского музея (1938-1939 гг.) и исследования у Лихудова корпуса (1985, 1996 гг.).

В раскопах 1938-39 гг. предматериковые слои были вскрыты на значительной площади (ок. 400 кв. м), но качество описания и графической фиксации не позволяет получить детального представления об древнейших сооружениях и стратиграфии южной части Кремля. Особый интерес вызывает наличие в раскопе 1938 г. древнего уличного настила, лежащего на продолжении трассы Пробойной улицы. Еще один настил, ориентированный перпендикулярно реке, был открыт в нижних слоях раскопа 1939 г. Ориентация сооружений из нижних горизонтов обоих раскопов близка к топографической ситуации на Троицком раскопе, где основной

магистралью является Пробойная улица, идущая параллельно реке, а другие улицы проходят перпендикулярно ей по направлению от берега в поле. Бегло описанная стратиграфия древнейших отложений не позволяет сделать какие-либо выводы. Авторы раскопок датировали нижние слои раскопов X веком, хотя проверить эту датировку по структуре описания и из-за отсутствия коллекции находок невозможно.

Исследования в северной части Кремля, у Лихудова корпуса (совокупная площадь раскопов 1985 и 1996 гг. по материку 36 кв. м) зафиксировали несколько горизонтов хозяйственной активности, относящиеся к периоду до появления деревянных укреплений (0,8 м). Самый нижний, предматериковый горизонт представлен остатками дренажной канавы и следами столбовых конструкций. Поверх этого горизонта возникает дворовой комплекс, сохранившийся в виде раскатанной постройки квадратных очертаний. Ее исчезновение отмечено песчано-глинистой прослойкой, по-видимому, планировочного характера. Вышележащий горизонт был представлен тремя постройками, глубокой выгребной ямой с навозом и вымосткой. Этот горизонт был наиболее выразительно представлен в обоих раскопах и предварительно датируется по методу дендрохронологии началом 960-х гг. (М.А.Воронова).

Вещевой материал (обломок дирхема, стеклянные бусы и бисер, костяное острие с зооморфным навершием, а также многочисленные фрагменты раннегончарной керамики) также указывают на вторую половину X века, как возможную дату активного освоения территории.

Таким образом, по имеющимся материалам, начальная стадия освоения всей территории Кремля не несет в себе следов, указывающих на ее особый статус в первые десятилетия жизни города. Сравнение с ранними горизонтами культурных отложений на соседних участках Софийской стороны (Неревский и Троицкий раскопы) свидетельствует в пользу ординарности древнейшей застройки и хозяйственной активности людей на территории будущего Детинца.

Глава IV.

Стратиграфия, планировка и система укреплений древнейшего Детинца

В настоящее время основанием для локализации древнейшего Детинца могут служить два архитектурных объекта: собор Святой Софии, о строительстве которого сообщает летопись (1045 г.), и оборонительная деревянная стена, обнаруженная при археологических исследованиях.

Археологическое изучение строительной истории Софийского собора активно

осуществлялось в 1940-1950-е гг. Раскопками А.Л.Монгайта (1945-47 гг.) и М.А.Алешковского (1956 г.) были изучены фундаменты собора и сделаны выводы о характере окружающей его стратиграфии. По данным этих шурфов Алешковским было подготовлено обоснование проекта вертикальной планировки у Софии и установлена древняя поверхность окончания строительства.

Археологические данные позволяют внести некоторые детали в организацию строительства храма. Раскопками 1995 г. у Софийской Звонницы был открыт стратиграфический комплекс в составе которого обнаружены следы производства плинфы: отходы обжига, кирпичи-сырцы и т. п. Датировка этого горизонта на основании вещественного материала укладывается в границы конца X – первой половины XI вв. (односторонний роговый гребень дл. 19,5 см, раннегончарная керамика), т. е. соответствует времени строительства собора Св. Софии.

Фрагменты деревянных стен – древнейших археологически зафиксированных свидетельств существования укреплений Детинца – обнаружены по всей напольной стороне северной части Кремля: у Владимирской башни (Алешковский, 1957, 1960 гг.), под пряслом стены между Федоровской и Владимирской башнями (Алешковский, 1957, 1959 гг.), на участке между круглыми башнями (Алешковский, 1958 г.), у Митрополичьей башни (Мантейфель, 1947 г.), у Лихудова корпуса (Понсов, 1980-81 гг.; Воронова, 1985 г.; Трояновский, 1996 г.). Описание стены дается по комплексному анализу всех раскрытий фрагментов.

Стена была построена из срубных камер, разделенных перерубами на клети. Размер камер (городней) с внутренней стороны стены - 5,4x5,4 м, размер клетей при этом неодинаков. Сохранившаяся высота стены достигает 2-х метров (11-12 венцов). Общая ширина стены из состыкованных городней достигает 18 м (М.Х.Алешковский, 1957, 1959 гг.). Засыпка клетей представляла собой очень плотный темно-коричневый слой со щепой и комками глины. Из засыпки происходит большое количество фрагментов керамики второй половины X-XII вв. (В.М.Горюнова, П.Д.Малыгин), обломки амфор (М.Х.Алешковский). Из датирующих предметов можно выделить булгарский бронзовый замочек (тип В-III-1 по Г.Ф.Поляковой). При расчистке стенок городни в раскопе 1996 г. были отмечены следы ремонта стены. Во всех случаях срубные дубовые камеры с засыпкой были перекрыты мощным (до 3 м) слоем глины.

Плановая структура дубовой крепости прочитывается по местам ее вскрытий. На участке между Владимирской и Митрополичьей башнями каменные стены повторяют очертания древней линии укреплений. Неоднократными раскопками

у Лихудова корпуса установлено, что направление городней здесь расходится с направлением кремлевской стены и уходит в глубь Кремля под углом около 30° (М.А.Воронова, С.В.Трояновский). Из сопоставления археологических данных с картой палеорельефа следует, что древнейший Детинец занимал северную половину Кремля, т. е. его южная граница проходила по линии оврага, как это предполагал еще Алешковский. Дополнительные источники позволяют уточнить южную трассу стены (Н.А.Чернышев, 1956). Из наблюдений за строительством памятника “Тысячелетию России” следует, что остатки стены сохранились и в этой части Кремля (Евреинов, В.С.Передольский).

Таким образом, невыясненным остается только контур восточного и юго-восточного участка стены между Владимирской башней и памятником. Надежной точкой привязки могло бы служить местонахождение надвратной церкви Положения Ризы и Пояса Пречистой Богородицы (1195 г.). Модель палеорельефа не отвергает возможность существования этой церкви на месте существующей Пречистенской арки, поскольку по этому месту проходит горизонталь 24 м, на которой расположены остатки городней к югу от Владимирской башни и под памятником. Остатки двух древних мостовых, открытых вблизи арки (В.Н.Гусаков, 1989) были ориентированы в направлении существующего восточного входа в Кремль, что позволяет утверждать о неизменности планировки этого участка. Окончательная локализация Пречистенской церкви возможна только после проведения раскопок на этом участке.

Наиболее гипотетичной является реконструкция линии стены на участке от Пречистенских ворот до Владимирской башни. В шурфе 1960 г. у южного фасада Владимирской башни была вскрыта лицевая наружная стенка городней (М.Х.Алешковский). Ее направление показывает, что линия деревянных укреплений располагалась гораздо ближе к берегу Волхова, чем современная кремлевская стена.

В раскопе у Звонницы, находившемся по линии существующих стен, поверх остатков древних сооружений и слоев (X-XI вв.) залегали прослойки серо-желтого песка и промытого культурного слоя, т. е. береговые речные отложения. Эта стратиграфическая картина является следствием частых речных разливов, в ходе которых могла быть разрушена и береговая линия деревянных стен. Летопись неоднократно сообщают о сносе Волховом городен Великого моста. Такая же участь постигла, вероятно, плитняковую каменную стену, руинированные остатки которой были прослежены на протяжении 60 м к югу от Владимирской башни в 1960 и 1981 гг. (М.Х.Алешковский, А.Н.Кирпичников).

С опорой на обозначившуюся окружную планировку древней крепости можно смоделировать и очертания восточной линии деревянных стен. Все известные фрагменты городней находятся на практически одинаковом удалении от Софийского собора и образуют в плане круг с радиусом 115-120 м. Проведение дуги с таким же радиусом на участке от Владимирской башни до Пречистенских ворот показывает, что максимальное удаление деревянных стен от существующей каменной преграды составляет около 30 м.

Реконструируемый таким образом периметр дубовых стен Детинца достигает 750 м, а внутреннее пространство крепости при такой конфигурации укреплений имеет площадь свыше 4500 кв. м. Округлая форма укреплений Детинца находит многочисленные аналогии не только в древнерусском материале, но и в более широких географических границах (В.К.Гончаров, П.А.Раппопорт, М. Muler-Wille и др.). По мнению П. А. Раппопорта, широкое распространение этот тип планировки крепостей получает в XII – XIII вв.

Одним из отличительных признаков подобных фортификационных сооружений является наличие в них как связи с рельефом местности, так и элементов предварительной планировки территории. Действительно, оборонительные стены Детинца лишь в северо-западном и северном секторах идут по сравнительно ровному и возвышенному участку местности, являющемуся подножием “Софийского” холма. Юго-западная, южная и восточная участки стены проходят по складкам местности, образованным кромкой оврага и берегом реки. Можно предположить, что перед началом возведения деревянных стен была произведена нивелировка местности при помощи грунтовых массивов. Наличие такого планировочного слоя подтверждается материалами раскопок М. Х. Алешковского между Владимирской и Федоровской башнями. В раскопах у Лихудова корпуса культурный слой под дубовыми клетями также имел строго горизонтальную поверхность.

У внутреннего фасада стены были найдены остатки булыжной вымостки, возможно, распространявшейся на всю территорию Детинца. При сравнении отметок булыжной вымостки с данными М.Х.Алешковского о планировочных горизонтах у Софийского собора устанавливается, что в период существования деревянных стен собор все еще визуально воспринимался стоящим на возвышении.

Глава V.

Развитие планировки, оборонительной системы и застройки Детинца

Перестройка древнейшей оборонительной системы Детинца археологически

прослеживается в виде глиняного вала поверх дубовых стен. Следы этих работ наиболее отчетливо прослежены в раскопах у Лихудова корпуса и в материалах раскопок М. Х. Алешковского у Владимирской башни. Сооружение глиняной насыпи предварялось частичной разборкой фасадных стенок городней. Во внутренней части крепости сооружение глиняной насыпи велось в два близких по времени этапа и сопровождалось сложным комплексом мероприятий инженерно-планировочного характера. Наружный фасад городней был разобран в меньшей степени и обложен срубными стенками в 1-2 венца, служившими опорной площадкой для внешнего склона глиняного вала.

Расширение границ крепости в виде устройства вала и рва произошло за счет присоединения к первоначальной Детинце крупного участка городской территории. При этом присоединенная часть, как это видно на модели палеорельефа, обладала минимальной пригодностью к использованию в военно-оборонительных целях.

Реконструкция крепостной системы Детинца, связанная с расширением его внешних границ, началась с устройства (или углубления) рва в северной части. В раскопе М.Х.Алешковского между Владимирской и Федоровской башнями (1959 г.) склон рва начинался сразу от границы внешних срубных прикладок. Озерно-ледниковая глина, извлекаемая из рва, укладывалась поверх полуразобранных городней. Подтверждением одновременности работ по устройству рва и глиняной насыпи в северной части Кремля является оригинальная срубная конструкция в раскопе у Лихудова корпуса. Ее устройство и ориентация свидетельствует о стремлении строителей к созданию новой горизонтальной и вертикальной планировки Детинца. Расположение конструкции в плане соответствует существующему направлению рва, который был продлен на юг, за границы первой крепости. Это доказывается материалами инженерно-геологического бурения вдоль Воскресенско-Митрополичьего прясла (1997 г.). На этом участке ров пересек русло древнего оврага, который впоследствии стал источником его обводнения. Бурение зафиксировало здесь максимальную мощность глиняной засыпки (до 8 м), закрывшей русло древнего оврага.

В южной части кремля от Воскресенской арки и до Дворцовой башни раскопками разных лет (1956, 1960, 1979, 1992-94, 1998 гг.) изучена конструкция вального основания под кремлевскими стенами, имеющая ряд отличий от вышеописанной. Ядро насыпи здесь состояло из чередующихся ярусов, не связанных между собой дубовыми лежнами (в т. ч. вторичного использования) и грунтовой засыпки. Чехлом насыпи, также как и в северной части, является

мощный слой насыпной глины. Вертикальные параметры вала и рва южной части Кремля указывают на игнорирование исходных форм рельефа. Задачей строителей являлось создание единой горизонтальной поверхности по гребню вала и в ложе рва.

В 1998 г. в ходе земляных работ на наружном склоне вала между Покровской и Златоустовской башнями были уточнены общие габариты насыпи, путем совмещения профилей одной из траншей и раскопа 1990 г. (В.Н.Гусаков). Ширина вала здесь составляет 23 м, высота от линии материка до верха глиняного замка достигает 4,8 м. Первоначально склоны и ложе рва были покрыты глиняным чехлом, толщиной до 0,5 м. Глубина рва превышала 7 м. Таким образом, общая высота сооружения от дна рва до верха вала составляет приблизительно 12 м.

Стратиграфия траншей у Покровской башни подтвердила наличие под валом материового холма, возвышавшегося в древности на 2-3 м над окружающей территорией. Верхняя точка холма совпадает с местоположением церкви Покрова Богородицы. Изгиб стены на этом участке также связан с конфигурацией древней возвышенности. В геоморфологическом отношении холм представляет собой округлую возвышенность, несколько вытянутую по направлению СЗ-ЮВ. В основании этого холма залегают грунты ледникового генезиса, поэтому при устройстве рва на этом участке была выполнена трудоемкая работа по прорезке толщи песчано-гравийных слоев. В одной из траншей удалось зафиксировать берму – горизонтальную площадку, разделяющую вал и ров по линии материка.

Факт наличия в конструкции южной части дубовых бревен вторичного использования, происходящих из разобранных городней, служит достаточным основанием для синхронизации процесса строительства глиняной насыпи в северной и южной частях Кремля.

Вся линия валов под современным периметром стен Кремля является воплощением цельного замысла ее строителей. Основа фортификационной системы состояла из рва (ширина до 30 м, глубина до 8-9 м) и валообразной глиняной насыпи с деревоземляным ядром (высота от 2,5 до 6 м). Линия вала с напольной стороны совпадает с современным контуром стен кремля, в береговой зоне остатки вальных конструкций зафиксированы недостаточно. Инженерные особенности строительства описанной оборонительно-планировочной системы указывают на глубокое знание строителями локальных особенностей рельефа, специфики гидрорежима территории и пластических свойств грунтов. Устойчивость глиняных склонов была достигнута ими при помощи аэро- и гидроизоляции внутреннего ядра насыпи, применения свайных конструкций,

отвода поверхностных грунтовых вод.

Реконструкция оборонительной системы сопровождалась внутренней перепланировкой всей увеличенной территории Детинца. В северной части Кремля следы нивелирующего глиняного массива, в т. ч. с деревянным армированием, прослежены повсеместно. По поверхности глиняной насыпи была осуществлена внутренняя дворовая разметка в виде частоколов. Трасса одного из этих частоколов (раскоп у Лихудова корпуса, 1996 г.) зафиксировала какую-то внутреннюю границу Владычного двора, различимую на иконографических изображениях и планах Кремля XVII-XVIII вв.

Характер перепланировки южной части Детинца (Околотка) изучен в раскопках 1938-39 гг. На глубине от 3,10 до 3,25 м в обоих раскопах был вскрыт слой из плитнякового щебня и кирпича, толщиной в 20-25 см. Этот горизонт делил стратиграфию участка на два периода, отличающихся как масштабами застройки, так и ориентацией сооружений. Поверх строительного слоя зафиксировано появление новой улицы (А.А.Строков, В.А.Богусевич).

Изучение отчета и публикации раскопа 1939 г. дает некоторые хронологические привязки этапа перепланировки. Найдки из горизонтов выше слоя строительного мусора позволяют определить верхнюю границу этого этапа в пределах второй половины XIII – начала XIV вв.

Найдки из культурных отложений на поверхности глиняного массива в северной части Детинца представлены многочисленными обломками стеклянной посуды, в т. ч. импортной, вислой печатью князя Юрия Даниловича, двумя фрагментами берестяных грамот. Наиболее вероятная дата отложений этого горизонта может быть определена первой четвертью XIV в. В раскопе у Лихудова корпуса, находившемся в границах Владычного двора, строительная активность на поверхности глиняного массива представлена мощными деревянными опорами. Последовательная замена нескольких ярусов столбов (всего 4-5 ярусов) отражает регулярность возобновления этой архитектурной конструкции. Выполненная дендрохронологическая датировка 2-го и 3-го ярусов опор (1340/41 и 1365/66 гг.) намечает цикличность замены столбов.

Дальнейшее развитие оборонительной системы Детинца отслеживается по строительству каменных сооружений (надвратных церквей и стен) по периметру увеличенной территории. Плитняковая стена у Владимирской башни, изученная раскопками 1960 и 1981 гг. на протяжении 60 м дает общее представление о начальном этапе строительства каменных укреплений (М.Х.Алешковский, А.Н.Кирпичников). О возможном существовании плитняковых стен по всему

периметру кремля свидетельствуют материалы пристенных шурфов и траншей (1953, 1959, 1998 гг.).

Наиболее сложной проблемой остается строительная история надвратных церквей и башен Детинца XIII–XV вв., поскольку М.К.Каргером и М.Х.Алешковским относительно полно исследованы только руины ц. Св. Владимира (1311 г.) и ц. Спаса Преображения (1297, 1426 гг.) Материалы по каменным постройкам Владычного двора (“палаты Василия”, “архиепископский дворец” и др.) пока не позволяют уверенно провести их историко-архитектурную или хронологическую атрибуцию. О внутреннем благоустройстве территории Детинца в этот период можно судить по раскопанным остаткам дренажных систем, уличным настилам и следам плитнякового замощения в северной половине Кремля (1938-39, 1950-е, 1989, 1995 гг.). Определение объема и характера строительно-планировочных работ в период строительства Кремля 1484-1490-е гг. также остается задачей будущих исследований.

Глава VI.

О роли Детинца в градостроительной истории Новгорода в X-XV вв.

При традиционном подходе к изучению фортификаций, в том числе городских цитаделей, внимание исследователей концентрируется на военно-инженерных особенностях крепостной архитектуры, фоном к которому служит эволюция осадной техники. Важнейшее место при этом отводится созданию хронологических и типологических схем. В настоящее время более перспективным выглядит иной подход к городским фортификациям, которые не только служили оборонительным целям, но являлись ядром и оболочкой городской структуры, имели общественное значение и вследствие этого были многофункциональными объектами.

Независимый Новгород на протяжении пяти веков своей истории крайне редко испытывал острую необходимость в городских оборонительных рубежах. В то же время, строительство и модернизация его крепостных систем занимали важное место в деятельности городских властей. История новгородских укреплений вполне сопоставима с изменениями его политической структуры, ростом территории города, экономическими достижениями и формированием городского менталитета. Специфическим фактором, который определял стилистику и архитектурные формы фортификаций, была культурная ориентация свободных горожан Новгорода. Совершенно противоположную картину мы наблюдаем в XVI-XVII вв., когда московское правительство пытается действительно усилить городские укрепления, как символ его власти над

покорённым городом.

Формирование территории Детинца является одной из основных проблем средневековой топографии Новгорода, удерживающих внимание исследователей от начала XIX в. и до сегодняшнего дня. За это время появилось всего несколько гипотез, заслуживающих серьезного внимания (М.Х.Алешковский, С.Н.Орлов, Б.А.Колчин, В.Л.Янин).

В первом приближении все эти гипотезы, объясняющие процессы развития территории Детинца, имеют серьезные отличия. Достаточно указать на дискуссию между С.Н.Орловым и М.Х.Алешковским на рубеже 1950-60-х гг., или споры вокруг количества и конфигурации оврагов, определивших топографию Детинца XI-XII вв. (Г.М.Штандер, Э.А.Гордиенко). При детальном рассмотрении большинство из сформулированных гипотез обнаруживают между собой сходство фундаментального уровня.

Интерес историков и археологов уже более ста лет прикован к значению Детинца в политической истории города, особенно на стадии его возникновения (Детинец=“Новый город”). Одним из примеров является гипотеза о происхождении Новгорода в аспекте взаимоотношения Рюрикова Городища и первых укреплений Детинца (Е.Н.Носов).

Для подавляющего большинства исследователей Кремль или Детинец составляет изначальную часть города, его структурное ядро. При этом исследователи достаточно свободно описывают или изображают внутреннюю планировку Детинца и прилегающую к нему уличную сеть города. История Детинца рассматривается преимущественно как история городской крепости (валы, стены и башни). Отсюда проистекает постоянное стремление к изложению этой истории в контексте развития древнерусского оборонительного зодчества (А.Л.Монгайт, А.Н.Кирпичников и др.). Считается, что событийная основа истории Детинца обеспечена летописными сообщениями (1044, 1116 г., 1302 г. и др.), отражающими последовательность и содержание этапов перестроек Кремля. При этом археологическим материалам отводится роль дополнительного источника при формулировании гипотез, апеллирующих к летописным сообщениям.

Опора на эти положения неизбежно приводит исследователей к приоритету изучения оборонительных систем, как главной проблемы Детинца. Лейтмотивом абсолютно всех публикаций о Кремле является тезис о том, что перестройки укреплений – главный показатель развития его территории и в хронологическим и в пространственным отношении (А.Л.Монгайт, С.Н.Орлов, Н.Н.Кузьмина,

Л.А.Филиппова и др.) При этом чаще всего остается в стороне вопрос о причинах строительства этих укреплений, взаимосвязи конфигурации стен с окружающей городской застройкой и т. п.

Современные теории развития средневековой фортификации, в том числе городских укреплений, подразделяют их историю на несколько стадий (В.М.Масон, Д.Бошкович, D. Libal). Исходной функцией крепости была защита прилегающих, иногда достаточно обширных территорий. На стадии сложения государственных образований роль укрепленных центров (“градов”) становится значительно шире: они обеспечивают безопасность торговых маршрутов, становятся местами сбора и хранения дани, принимают под свою защиту сакральные и общественные центры. Благодаря возникновению системы таких поселений формируется постоянная сеть сообщений, очерчиваются границы государственного образования. Завершение этого процесса маркируется появлением пограничных крепостей, принимающих на себя оборонительные функции. Обращение к истории Новгородского государства, от формирования его административного центра в истоке Волхова в IX-XI вв. и до строительства порубежных крепостей в XIV-XV вв., в целом соответствует перечисленным стадиям. Эволюция военно-оборонительной системы государства позволяет лучше понять динамику изменения функций городской крепости Новгорода – Детинца.

В настоящее время нет достаточных оснований утверждать, что Детинец, как крепость в центре поселенческих структур Софийской стороны, синхронен стадии возникновения этих поселений. На это обратил внимание в одной из своих последних статей М.Х.Алешковский: “построенный князем Детинец как бы наложен на сформировавшуюся до его появления планировку улиц Софийской стороны. Соответственно этому, планировка Новгорода не моноцентрична, как в более поздних, основанных князьями городах, где улицы расходятся радиусами от центральной крепости, а полицентрична и зависит не от крепости, а от реки: улицы города в своем большинстве перпендикулярны реке, а некоторые параллельны ей”.

Софийская сторона Новгорода на начальной стадии своего развития выглядит городом “основанным” (А.Л.Ястребицкая), имевшим четко обозначенные территориальные границы и строгое топографическое членение (А.В.Арциховский, Б.А.Колчин, П.И.Засурцев, А.С.Хорошев, А.Н.Сорокин). Место, отведенное в этой планировке Детинцу, на начальном этапе могло являться лишь кварталом городского пространства.

Анализ источников показывает, что городская крепость уже с момента

создания обладала различными функциями. Во-первых, это было наиболее безопасное место в городе, не только с военно-оборонительной точки зрения, но также и от природных стихий (пожаров и наводнений). Во-вторых, размещение в Детинце двора епископа и строительство Софийского собора сделало эту территорию религиозным и престижным погребальным центром древнего Новгорода. В-третьих, Детинец – общественный центр, пункт стихийного или организованного сбора горожан, что также зафиксировано источниками. Для раннего Новгорода, состоявшего из небольших поселений, разделенных рекой и ручьями, общая крепость не только являлась центром городской жизни, но и концентрировала на себе идею города.

Уже в XII в. город на Софийской стороне перерастает свои первоначальные размеры и начинает осваивать пространство по радиусу от центрального объекта городской планировки – Детинца. Начало этого процесса отражает строительство округлой в плане крепости, зафиксировавшей первый этап смены топографической ситуации на Софийской стороне. Это изменение планировки было подготовлено появлением улиц, направлявшихся не к речному берегу и Пробойной улице, а стремившихся своим вектором к центральному городскому собору, или ко входу на Великий мост (Чудинцева и Прусская улицы).

В дальнейшем развитии городского пространства основную роль играли политические процессы, подоплекой которых служило развитие муниципальных структур города и высвобождение Новгорода из-под княжеской зависимости. Внутренняя политическая ситуация создала благоприятные условия для расширения центральной городской крепости. В соответствии с письменными источниками уже к началу XIII в. на территории города между Людиным концом и Детинцем оформился еще один общественный центр, контролировавшийся боярством Прусской улицы. Во 2-й половине XIII в. – начале XIV вв. происходит возвышение культа святых Бориса и Глеба (А.С.Хорошев), а одноименная церковь, явившаяся к югу от Детинца обретает общегородской статус (В.Л.Янин).

Эти факторы, а также реформа институтов управления городом, произошедшая на рубеже 13-14 вв. (В.Л.Янин), стали важной предпосылкой изменения планировки города, начавшейся с перестройки крепости. Не вызывает сомнений заинтересованность представителей неревского и прусского боярства, осуществлявших совместное управление городом с 1291 по 1316 г., в создании единого укрепленного центра на стыке трёх концов Софийской стороны.

Индикатором закладки плана новой крепостной линии является строительство с 1296 по 1311 гг. 4-х надвратных церквей, которые маркируют

вход на территорию крепости главных улиц Софийской стороны. Это ещё раз подчёркивает сакрализацию образа крепости в глазах горожан, полностью укладывающуюся в традиции и догматику христианства.

Строительство новых укреплений в первой половине XIV века, а летопись упоминает об этом в 1302, 1331-33 гг., окончательно закрепляет изменения в центральной части города. Присоединенная часть Детинца появляется в летописи с 1339 г. под названием Околотка. Увеличение размеров городской крепости явилось одним из ярких проявлений консолидации боярских группировок Новгорода. Другой причиной усиления Детинца была возросшая в XIII в. военная опасность на новгородских границах.

Строительство новой крепости было сложной инженерной задачей. Её планировка соответствовала общему развитию средневековой европейской фортификации (Околоток – outer bailey, vorburg). Крепостные стены обретали сложные регулярные очертания (А.Н.Кирпичников), вся планировка крепости демонстрирует отказ от использования условий местности. Сложный рельеф и грунтовые характеристики, существование оврага в центральной части увеличивающейся крепости потребовали новых технических решений. Выход был найден в создании искусственного земляного основания со сложной конструкцией, призванного нивелировать неровности рельефа по трассе стены.

Таким образом, к XIV-му веку завершается формирование центральной части города – Детинца. Новая каменная крепость в центре Новгорода отмечает начало процесса окончательной демаркации городских границ. Завершает процесс создание в последней четверти XIV в. внешней оборонительной линии – т. н. Окольного города (М.Х.Алешковский, Л.Е.Красноречьев).

Заключение

Выводы в отношении историографии и методики археологических работ в Кремле служат основанием для критики и пересмотра предложенных в 1960-е гг. атрибуций и датировок крепостных сооружений детинца. Проведенный в 1992-1998 гг. цикл археологических раскопок дал дополнительные материалы для создания новой концепции развития крепостной и архитектурно-планировочной системы Детинца с X по XV вв.

Полученные на сегодняшний день археологические данные о новгородских фортификациях не могут быть искусственно внедрены в традиционные исторические схемы, поскольку несут другое качество информации. В то же время

археологические раскопки дают детализированную картину различных сторон жизни средневекового города, для которой достаточно относительной хронологии.

По результатам анализа археологических материалов становится возможным очертить основные этапы истории Новгородского детинца. Предположительный характер отдельных положений новой концепции и датировок объясняются современным состоянием источниковой базы.

1. Начальный период освоения территории Кремля проходил по общей для всей Софийской стороны Новгорода схеме: от берега Волхова вверх развивалась обычная дворовая застройка, ориентированная на линию берега и трассу будущей Великой улицы. Геоморфологические условия территории, разделенной в древности ручьем на северную и южную половину, определили место возникновения первой городской крепости. Холм в северной части уже в середине XI века был выбран для строительства Софийского собора.

2. На следующем этапе по периметру Софийского холма появляются деревянные стены, имевшие округлые в плане очертания. Остатки стен, неоднократно изученные при раскопках, в настоящее время не позволяют целиком реконструировать архитектурный облик укреплений Детинца. В то же время, конфигурация дубовых стен крепости изменила первоначальную планировку центральной части Софийской стороны, в частности, повлияла на направление уличных трасс. Датировка строительства дубового Детинца по комплексу археологических материалов из засыпки городней и подстилающих культурных слоев может быть предварительно определена первыми десятилетиями XII века.

3. Третий этап истории Детинца начинается крупными работами по возведению новой линии деревоземляных укреплений. Сооружение глиняного вала и рва осуществлялось в границах, близких современному контуру Кремля. Вал в северной и южной частях Детинца имел отличия только в структуре ядра насыпи: в северной части под глиняным чехлом были сохранены частично разобранные дубовые городни, тогда как внутривальные конструкции к югу от границ первой крепости выполнялись в виде грунтовой насыпи с армирующими горизонтами лежней.

4. В процессе сооружения вала и рва была проведена перепланировка как первоначальной территории Детинца (Владычный двор), так и присоединенной южной половины (Околоток). Следы этой перепланировки прослежены по всей территории Кремля. Вещевой материал из культурных слоев поверх планировочного уровня датируется временем не ранее второй половины XIII в. На рубеж XIII-XIV вв., как возможную дату осуществления реконструкции

крепости, указывают и следы строительной активности на территории Владычного двора. Глиняный вал стал основой для возведения всех последующих каменных укреплений Детинца. Произошедшее в ходе сооружения нового вала и рва увеличение размеров Детинца в тенденции привело топографию Софийской стороны к тому виду, который известен по картографическим материалам XVII–XVIII вв. Дальнейшая эволюция фортификационной системы и внутренней застройки Детинца недостаточно изучена археологически.

5. Перечисленные этапы строительства крепостных сооружений Детинца в настоящее время могут быть датированы лишь в широком хронологическом диапазоне. Не вызывает сомнений связь этих этапов с общим развитием градостроительной структуры Новгорода, эволюцией его политической системы и реформированием административных институтов. В качестве исторического контекста для строительства Детинца из дубовых городней вполне допустим период княжения Мстислава Владимировича и его сына Всеволода (первая треть XII века), проводивших активную градостроительную политику.

6. Представляется вероятным, что увеличение размеров Детинца, проявившееся в строительстве глиняного вала и рва, явилось следствием известного по письменным источникам ослабления боярства Людина конца (1207 г.) и усилением прусско-неревской боярской коалиции (с 1230 года). Летописные известия о строительстве надвратных церквей Детинца в период с 1296 по 1311 гг. и закладка “каменного города” архиепископом Феоктистом в 1302 г. указывают на возможную связь этих событий с изменением системы власти Новгорода, выразившейся в реформе института посадничества на рубеже XIII–XIV вв. (Янин, 1991). Таким образом, датировка расширения территории Детинца до современных размеров может быть помещена в границы второй половины XIII в., что не противоречит имеющимся археологическим данным.

Предложенная концепция является рабочей гипотезой, для проверки которой необходимы дальнейшие планомерные исследования. Содержание этих исследований должно стать частью программы археологического изучения Новгорода.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

1. Трояновский С. В. Археологические наблюдения за восстановлением участка стены Новгородского кремля между Спасской и Княжой башнями в 1994 г. / / Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 9–16.

2. Петрова Л. И., Трояновский С. В. Сводный план раскопов, шурфов и участков наблюдений за земляными работами на территории Новгородского кремля / / Новгородский исторический сборник. № 5(15). СПб., 1995. С. 25-75.
3. Трояновский С.В. История изучения Новгородского кремля // Новгородский исторический сборник. № 5(15). СПб., 1995. С. 89-111.
4. Хорошев А.С., Трояновский С.В., Корчагина Л.А. Раскопки в Новгородском кремле // АО 1995 г. М., 1996. С. 85-86.
5. Трояновский С.В. Раскопка в Новгородском кремле // “Чело”. № 1 (8). Новгород, 1996. С. 5-7.
6. Трояновский С.В., Корчагина Л. А. Раскопки в Новгородском кремле в 1995 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 8-17.
7. Петров М. И., Трояновский С. В. Моделирование палеорельефа исторической территории на примере Новгородского кремля // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. Труды IV конференции Ассоциации “История и компьютер”. М., 1997. С. 108-118.
8. Трояновский С. В., Корчагина Л. А., Стеценко Н. К. Раскопки в Новгородском кремле // АО 1996 г. М., 1997. С. 64-66.
9. Трояновский С. В., Корчагина Л. А., Стеценко Н. К. Раскопки на Владычном дворе Новгородского кремля // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 12-19.
10. Трояновский С. В. О некоторых результатах археологических раскопок в Новгородском кремле в 1992-1996 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 58-70.
11. Трояновский С. В. История и археология Новгорода в научном наследии М.Х.Алешковского // Тезисы докладов и сообщений итоговой научной конференции НГОМЗ. Новгород, 1998.
12. Петрова Л. И., Трояновский С.В., Фирсова Н. Д. О методике моделирования палеорельефа исторической территории (опыт построения модели палеорельефа Великого Новгорода) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 172-192.
13. Стеценко Н. К., Трояновский С.В. Архитектурно-археологическое изучение Ладожской крепости и Новгородского кремля (к проблеме методики полевых исследований) // Средневековая архитектура и монументальное искусство. СПб. 1999. С. 107-111.
14. Петров М.И., Трояновский С.В. Электронная публикация “Научное наследие

- М. Х. Алешковского” // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Новгород, 2000. С. 231-238.
15. Petrov M., Troianovsky S. Surface modelling of pre-occupied territory of the Novgorod Kremlin // Data modelling, modelling history. Тезисы XI международной конференции Ассоциации “История и компьютер”. М., 1996. С. 96-98.
  16. Stetsenko N.K., Troianovsky S.V. Archaeological research of medieval fortifications in North-Western Russia: methods and problems of interpretation // Castella Maris Baltici IV. Kopenhagen, 2001 (in print).
  17. Petrov M., Troianovsky S. Novgorod Kremlin: the earliest history through archaeological evidence // Viking heritage. № 6. Visbu, 1999. P. 1, 4-8.
  18. Petrov M., Troianovsky S. Man and Fortress: ways of co-existence in medieval Russia // Castella Maris Baltici V. Kopenhagen, 2001 (in print).

Гарнитура Times. Формат 60x90/16. Бумага офсетная 80 г.
Печать офсетная. Уч.-изд. л 1,0 Усл. печ. л 1,5. Тираж 150 экз.
Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО "ВИКОНТ"